

Соб. культура, 1985, 3 сент.

ЗРИМОЕ СЛОВО

ЧИТАЯ КНИГУ ЕВГЕНИЯ КИБРИКА «РАБОТА И МЫСЛИ ХУДОЖНИКА»

Помню, когда читал книгу нестеровских воспоминаний, все время ловил себя на мысли: «Неужели это первая, а может, единственная книга, оставленная выдающимся мастером?» Поражали образный строй книги, объемность всего, к чему прикоснулся художник, зримость книги — все сцены, которыми она одарила, можно объять глазами. Ну хотя бы последнюю встречу автора с Крамским, скованным тяжким недугом, приход в дом большого художника. Смысл нестеровского пассажа: «Вот это темное, неподвижное, привалившееся к углу и было Крамским». Прочел книгу Нестерова едва ли не три десятилетия назад, а не могу забыть заключенной в этой строке силы наглядного видения. Читал книги старых мастеров кисти и наших современников, стараясь постичь эту тайну зримости слова, его способности вызвать в нашем воображении зелень, выветленную солнцем и погруженную в тень, блеск облака посреди знойного неба и лиловую глубину озерной воды в октябрьское ненастье. В метаморфозы, происшедшие с художником, еще надо проникнуть. Будто он забылся и на какой-то момент взял в руки не перо, а кисть, не поступившись решимостью сообщить нам виденное, если даже оно легло не на холст, а на страницы рукописи.

Полагаю, что все сказанное справедливо отнести к книге Евгения Адольфовича Кибрика. Название книги — «Работа и мысли художника» точно передает ее суть.

Мысль художника обращена к глубинам творчества. Случилось так, что наши отношения, возникшие на пределе шестидесятих, воспряли почти через два десятилетия, как раз в пору, когда Кибрик работал над своей книгой. Помню этот письменный стол, царь-стол, многоярусный, с неоглядной столовиной, снабженной целым миром досок и ящиков, и Кибрика в рабочей блузе с закатанными рукавами. От одной встречи к другой росла стопка страниц, заполненных крупной скорописью. Встреча неизменно завершалась чтением новой главы. В чтении Кибрика были темп и интонация разговорной речи. В рукописи была свойственная Кибрику суровость, этот текст нельзя было читать иначе.

Помню, какой страстью была окрашена реплика Кибрика, обращенная к мысли, хочу полагать, своеобразной, — я говорю о попытке Евгения Адольфовича сопрячь постижение проблем композиции с законами диалектики. В мысли, высказанной Кибриком, были свойственные художнику острота восприятия и новизна — статью художника о композиции напечатал журнал «Вопросы философии». Кибрик, как признался он мне тогда, полагал, что за статьей последует полемика — ему возражат, по крайней мере философы. Но последовало молчание. «Оно продолжается до сих пор», — сказал тогда Кибрик, немало смутившись.

Мне представляется самым ценным в книге мастера все, что читатель почерпнет о его творческом методе, свод точных и в высшей степени жизненных наблюдений, характеризующих работу Кибрика над образом. Думаю, что не преувеличу, если скажу, что здесь труд художника реализует в изобразительном искусстве ту самую традицию, начало которой положил в театре, и не только в театре, Станислав-

ский, — идея перевоплощения нашла в лице Кибрика своего верного и оригинального продолжателя.

Имя Кибрика у нас отождествляется с его работами к роллановскому «Кола» — своеобразной эмблемой художника, его гербом стал рисунок Ласочки. Постигание мира роллановских героев, никогда не виданных Кибриком, как известно, изумило и автора «Кола» — очевидно, сработал великий дар Кибрика перенестись сердцем и мыслью в атмосферу книги, истинно перевоплотиться. Можно было понять Роллана, которого, не ищущих иных слов, ошеломил русский художник талантливостью интерпретации, точностью видения. Письма Роллана Кибрику, предисловие писателя, озаглавленное знаменитым «Кола приветствует Кибрика», своеобразно сообщили этой работе ускорение, какого не удавалось иным произведениям художника. Это не преувеличение — великий писатель был точен в своем восприятии и своих оценках.

Если же говорить о том, в каких работах кибриковское постижение человека достигло своего наиболее убедительного выражения, то предпочтение, как мне кажется, надо отдать иному — «Борис Годунов». Серия портретных листов — Борис, Шуйский, Марина, Юродивый, Григорий, Варлаам — зримая вершина того, что создал Кибрик в книжной иллюстрации. И тут есть свое объяснение: дело не только в своеобразности манеры, в выгодах того, что дает такому художнику, как Кибрик, крупный план, в достоинствах черно-белого, а вернее, сине-белого цвета, когда речь идет о фактуре документальной, дело в ином — здесь нашло свое убедительное подтверждение главное качество Кибрика — человек, постижение человека. Можно сказать: все, что делал Кибрик с той далекой поры, когда его тропа обратилась к крупным созданиям мировой классики — «Кола», «Тиль», «Бульба», «Былины», «Борис», — убедительно воплотилось в годуновском цикле. Чем значительнее этот цикл? Есть ощущение художнической зоркости в исследовании человека, его психологии, его души. Сила личности художника точно сшиблась с силой личности его героев, и художник не спасовал, он проник в святая святых человека, не посягнув на его своеобразие, его суверенность.

Особое место в труде мастера — Лениниана. Кибрик взялся за нее, когда главные черты нашей Ленинианы уже обозначились. Тут был для художника своеобразный вызов. И он принял его. Кибрик создал немного работ, но каждая из них, хочу думать, останется.

Случайно или нет, но последним крупным созданием художника была работа, которая давала ему возможность утвердить свои творческие принципы, — он как бы осмыслил пройденный путь, взглянув на него с той строгой требовательностью, на какую был способен. Это гоголевский «Портрет» — прямота, с которой писатель говорит в этой своей повести о призвании художника, давала Кибрику единственный в своем роде повод высказаться о главном: как преломилось сегодня в его сознании великое понятие — реализм. Именно сегодня. Его иллюстрации к «Портрету», конечно же, реалистичны, но в них явствен рыбок в

день завтрашний. А это возвращало к тому, что, казалось, осталось позади и все-таки было с художником. Кибрик будто обернулся на двадцатые, еще раз спросив себя: да все ли он взял оттуда? Человек чистого и храброго сердца, Кибрик понимал, что истинный реализм жив новью, которую не перестает открывать для себя художник. Он восхищался формулой Густава Курбе, полагая, что правда искусства в ней: «Быть в состоянии передавать нравы, идеи, облик моей эпохи согласно моей оценке, быть не только живописцем, но еще и человеком, одним словом, создавать... живое искусство — такова моя цель». Суть поиска позднего Кибрика надо понимать, постигая «Бориса» и «Портрет», — недаром они хронологически смыкаются. Наверное, мы коснулись самого трудного вопроса, и было бы логично определить его существо. Художник, как нам кажется, обрел себя в стремлении сберечь степень исследования человека, добытого в «Борисе», со своеобразием письма, которое явил «Портрет».

В рабочих альбомах Кибрика сохранились многочисленные эскизы к этой новой работе — художник, обычно отводящий осуществлению каждого нового замысла два-три года, тут положил год, учитывая уже затраченные годы. Но, как это бывает часто, именно этого года художнику и не хватило...

Я говорю о шекспировском «Отелло», желанье иллюстрировать которого было самой сильной страстью мастера в эти годы. Ирина Кибрик, жена и друг художника, написавшая послесловие к книге мастера, отмеченное, на мой взгляд, точностью мысли и наблюдений, воссоздает любопытные и значительные подробности, относящиеся к этой последней работе мастера. По ее словам, после ряда поисков, колебаний Евгений Адольфович решился взяться за «Отелло» В. Шекспира. «Почему так долго он не приступал к этой давно им задуманной работе?.. Тут был ряд причин, и одна из них — это мысль: хватит ли сил справиться с поставленной перед собой задачей? А задачу он поставил очень трудную: передать (как он выразился) всю гамму извечных человеческих чувств — любовь, ненависть, преданность, подлость, честность, доброту, злобу, хитрость и т.д. — передать эти чувства не через портреты действующих лиц, а в основном через движения». Как видит читатель, уже в этом намерении мастера — через движение! — есть перспектива поиска, шаг от «Бориса» к «Отелло», следующий шаг на бесконечном пути ищущего мастера, следующий шаг — тут весь Кибрик.

Кибрик творил, общаясь с большой группой молодых художников, — он хотел, чтобы его дело и слово помогали нашему искусству, его дню нынешнему и завтрашнему. Книга Кибрика собрала, смею думать, все сказанное художником воедино. Это и исповедь мастера, и его завет. Тем ценнее это для нашего искусства, тем большую благодарность заслуживает художник.

Савва ДАНГУЛОВ.